

С. А. ИВАНОВ

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ
«ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА

Те изменения, которые претерпела в византиноведении оценка личности и творчества Льва Диакона Калойского, характерны для многих византийских авторов, реабилитированных работами последнего времени от тяготевших над ними обвинений в сервиллизме и конформности. Почти сто лет назад Лев был объявлен «придворным историографом»¹, а его труд заклеяен как плод льстивого угодничества. Эта точка зрения была принята К. Крумбахером² и получила статус прописи.

Логика подобной инвективы понятна: свою «Историю» Лев Диакон посвятил почти исключительно двум лицам — императорам Никифору II Фоке и Иоанну I Цимисхию; из 10 книг этого труда 4 описывают победы Никифора, 3 — военные успехи Цимисхия; 3 книги заполнены событиями блестящего правления Никифора, 5 излагают не менее блестящее царствование Цимисхия; 12 раз наш историк возвращается к выдающимся качествам Никифора, в 11 местах приводит самые восторженные характеристики Цимисхия. Кто же после этого усомнится, что перед нами — придворный льстец? Ясно также, почему именно к этим двум императорам — Никифору и Цимисхию — исследователи записали Льва Диакона в придворные историографы³. Но дело в том, что по возрасту Лев не подходил для такой роли: по его собственным словам (а других источников сведений о нем у нас нет⁴), в 967 г. он был подростком⁵. Между тем Никифор правил с 963 по 969 г., Цимисхий — с 969 по 976 г. К моменту смерти поледнего Льву было не больше 27 лет⁶, и он не только не мог быть придворным летописцем, но и вообще — вопреки мнению ряда историков⁷ — не принимал участия в событиях этих царствований.

Данное несоответствие было давно отмечено Г. Вартенбергом: «По времени своей жизни он (Лев Диакон) годился в придворные историографы только Василию II»⁸. Попытки представить Льва таковым тоже имели место⁹, однако подобное исправление лишь усугубляет трудности: в науке уже обращалось внимание на то, что Лев Диакон без всякого почтения отзывается о родителях Василия II, да и о нем самом «пишет весьма свободно»¹⁰. В самом деле, холодность Льва к царствующему императору бросается в глаза даже при беглом чтении «Истории», и не об этой слишком очевидной стороне пойдет речь. В названных только что работах давался ответ лишь на вопрос о том, кем *не* был Лев Диакон. Даже М. Я. Сюзюмов, при полной уверенности в нонконформизме нашего историка, в обосновании этого своего положения делает упор на негативные аргументы. Однако сказать, что Лев не был придворным подхалимом, значит, на наш взгляд, сказать явно недостаточно. Кем же он был? Как звучала «История» для ее современников?

Общая канва событий интересующего нас периода такова. В марте 963 г. скончался безвольный император Роман II. В связи с малолетством его детей править стала вдовствующая императрица Феодора, а в действительности — евнух Иосиф Вринга. Летом того же года армия провозгласила императором победоносного полководца Никифора Фоку. Он

отстранил Врингу, женился на Феофано, в любовной связи с которой давно состоял, и был венчан на царство. В конце 969 г. императрица составила заговор против мужа со своим новым возлюбленным — знаменитым военачальником Иоанном Цимисхием. 11 декабря Никифор был убит, императором стал Цимисхий. В это время сыновьям Романа II Василию и Константину было соответственно 11 и 9 лет. В 976 г. Цимисхий умер, но реальное управление сосредоточилось в руках могущественного «первого министра» Василия Нофа. Лишь в 985 г. Василий II отстранил временщика и начал на деле властвовать над империей, которой номинально правил к тому моменту уже 22 года — ведь и Никифор, и Цимисхий формально считались соправителями юных царевичей.

Как же относился Василий II к своим предшественникам? Ответить было бы легко, если бы до нас дошли исторические сочинения периода его полувекового царствования (Василий умер в 1025 г., и у официальной историографической традиции было время сформироваться). Но, увы, такими сочинениями мы не располагаем, об их направленности можем судить лишь по тому, как она отражается в более поздних произведениях, не только византийских (Скилица¹¹, Зонара¹²), но и латинских, арабских¹³, использующих эти недошедшие труды как источник. На первый взгляд у Василия II не могло быть претензий к людям, правившим в период его малолетства, — ведь когда возмужавший император захотел взять бразды правления, он оказался в конфликте только с Василием Нофом, девятилетнее засилье которого отодвинуло, казалось бы, далеко в прошлое самое воспоминание об императорах-полководцах. Разберемся, так ли это было на самом деле.

Вот что рассказывает хронист XII в. Иоани Зонара: «Она (императрица Феофано) возненавидела мужа за пренебрежение, а может быть, и опасалась за детей, ибо многие шептались, что Никифор хочет лишить царевичей детородных органов и посадить на престол своего брата Льва»¹⁴. Это сообщение не имеет параллелей в византийских источниках; обратимся к западному хронисту XI в. Мариану Скоту: «Царь греков Никифор, будучи стариком и опасаясь быть свергнутым своими сыновьями, захотел оскотить их. Тогда их мать-царица уговорила Иоанна убить его и цар-

¹ Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leo Diakonos und Michael Psellos. — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, 1886, 7, S. 358, 372—373.

² Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 267.

³ Чертков А. Описание войны вел. кн. Святослава Игоревича против болгар и греков, М., 1843, с. 135; Самонясов Д. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов с греками. — Варшавские университетские известия, 1886, 6, с. 31, Jorga N. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Вуз., 1925, 2, р. 267; Пауцто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 69; История на България. София, 1981, т. II, с. 389.

⁴ Παπαγιωτάκης Ν. Μ. Λέων ὁ Διάκονος. 'Αθήναι, 1965, с. 39.

⁵ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X/ Ed. H. V. Nase. Bonnae, 1828 (далее — Leo), р. 65, 8—9.

⁶ О времени жизни Льва см.: Παπαγιωτάκης Ν. Μ. Op. cit., с. 4—5; Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — ВВ, 1953, 6, с. 37; Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, 1971, с. 141—142.

⁷ Багалей Д. История Льва Диакона как источник для русской истории. — Сборник ОРЯС. 1883, 32, 5, с. 2; Успенский Ф. Русь и Византия в X в. СПб., 1888, с. 12; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 331 и т. д.

⁸ Wartenberg G. Das Geschichtswerk des Leo Diakonos. — ВЗ, 1897, 6, р. 111.

⁹ Карышковский П. О. Указ. соч., с. 52; Alexander P. Historiens byzantins et croyances eschatologiques. — In: Actes du XII^e Congrès International des études byzantines. Beograd, 1964, vol. I. П р. 8: Καταγλιαννόπουλος Γ. Πηγαί τῆς Βυζαντινῆς ιστορίας. Θεσσαλονίκη, 1970, с. 254.

¹⁰ Сюзюмов М. Я. Указ. соч., с. 137; см. также: ВВ, 1961, 20, с. 125—127.

¹¹ Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — Византийское обозрение, 1916, 2, с. 128—131.

¹² Wartenberg G. Leo Diakonos und die Chronisten. — ВЗ, 1897, 6, S. 301.

¹³ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 089.

¹⁴ Joannis Zonarae Epitomae historiarum. Bonnae, 1897, IV, р. 89. 16—20.

ствовать, ибо ничего другого не могла придумать для спасения детей»¹⁵. То же самое сообщает Сигеберт Гемблаценский¹⁶. Проникла эта версия и на Восток. Яхья Антиохийский пишет: «Он (Никифор) сказал ей гневно: „Теперь ты принудишь меня оскотить обоих мальчиков и царство передать моему брату“»¹⁷. Аналогичный рассказ приводит Абу-л-Феда¹⁸. Еще более жестокосердным предстает Никифор у Абу-л-Фараджа: «Он сочетался с императрицей Феофано против ее желания. Не удовлетворившись этим, он захотел оскотить двух ее сыновей Василия и Константина, чтобы, искоренив их род, самому создать династию»¹⁹. Но самую мрачную картину рисует Ибн-ал-Асир: «И когда его (Никифора) дело стало великим, а его значение высоким, он убил царя, который царствовал до него, и стал царем греков. . . женился на жене убитого царя против ее воли, и было у нее от убитого царя двое сыновей. . . Он вознамерился оскотить сыновей убитого царя, чтобы их род пресекся и никто не мешал бы его детям царствовать. И когда их мать это узнала, она опечалилась этим и позаботилась об убийстве его»²⁰.

Не может не настораживать то, что при полном единодушии разновременных и разноязычных источников второстепенного характера обо всех этих преступных помыслах и деяниях умалчивают Лев Диакон и Скилица, наши главные источники. Мало того, из них нам доподлинно известно, что Никифор не только не убивал Романа II и не принуждал Феофано к браку, но и не лелеял коварных планов в отношении Василия и Константина, — ведь в роковом 969 г. император собирался женить царевичей на болгарских принцессах, причем инициатором переговоров об этом династическом браке был он сам²¹. Девушки прибыли в Константинополь накануне убийства Никифора²²: можно утверждать, что до последнего своего часа тот планировал для Василия и Константина участь куда менее ужасную, чем та, в приуготовлении которой его обвиняют цитированные выше авторы. Откуда же они почерпнули свои домыслы?

Весьма вероятно, что «обвинения, выдвинутые против Никифора, покоятся на порочащих слухах, которые распространяли убийцы Никифора, чтобы оправдать свое преступление»²³. Но нельзя забывать, что подобные слухи могли муссироваться очень недолго. Дело в том, что патриарх Полиевкт отказался короновать Цимисхия до тех пор, пока не будут наказаны виновные в цареубийстве. Иоанн тотчас сообразил, что подобное требование, когда оно адресовано очевидному и главному виновнику, означает предложение компромисса. Он ухватился за версию собственной непричастности к преступлению и, не долго думая, справился со своими сообщниками, сослав среди прочих и императрицу Феофано²⁴. Никифор был объявлен, видимо, невинно убиенным — во всяком случае его обезображенное до неузнаваемости тело погребли в храме св. Апостолов, в императорской усыпальнице²⁵. «Тебя, император-аскет, убила беззаконная чернь», — говорится в заупокойной службе по Никифору²⁶. Итак, для Цимисхия пафос самооправдания состоял не в том, что покойный был узурпатором и душегубом, а в суровом отмщении цареубийцам. Остается одно объяснение: все черные замыслы были приписаны Никифору в официальных исторических трудах периода правления Василия II и оттуда — через вторые и третьи руки — дошли до нас.

Следует объяснить теперь, за что Василий невзлюбил Никифора. Обратимся для этого к отчету, составленному германским послом Лиутпрандом о его переговорах в Константинополе в 968 г. Вот выдержка из описания дворцового приема: «По левую сторону (от Никифора), но не на одинаковом с ним возвышении, а гораздо ниже сидели два юных императора, когда-то его повелители, а теперь подданные»²⁷. Вот торжественная процессия движется по улицам: «(Никифор) входит в храм св. Софии, а государи его императоры следуют далеко позади него»²⁸. Может быть, и не стоит всецело полагаться на Лиутпранда — он не был бесстрастным наблюдателем, и его симпатии к Македонской династии делались тем сильнее чем становились хуже отношения германского императора с Никифором²⁹.

Но все равно можно не сомневаться, что ущемление прав юных царевичей в той или иной форме имело место. «С рождения и до двадцатилетнего возраста, — рассказывает о Василии II Михаил Пселл, — он царствовал совместно с отцом Никифором Фокой, а затем с Иоанном Цимисхием и у всех них находился в подчинении»³⁰.

Посмотрим теперь, чем могло обуславливаться отношение Василия II к нему, Цимисхию. Тут нельзя не вспомнить, какой ценой последний пришел к власти: мать царевичей, решившаяся из любви к Иоанну на смертельный риск, была им беззастенчиво предана. Бежав из ссылки, она проникла в Константинополь, надеясь, быть может, вновь разбудить чувства своего возлюбленного. Но тщетно! Феофано насильно выволокли из храма, где она искала убежища, — при этом, по словам Скилицы, она отбивалась и на чем свет стоит поносила Иоанна — и заточили в далекий армянский монастырь³¹. Лишь после смерти Цимисхия Василий осмелился вернуть мать из ссылки. Ибн-ал-Асир, кроме того, сообщает, что заточены были также и царевичи³². Эта гипербола позднего автора интересна постольку, поскольку она глухо отражает некую тенденцию в освещении царствования Цимисхия. А где искать истоки подобной тенденции, подскажет другое утверждение арабского историка: он называет Феофано дочерью вельможи. Перед нами — далекий отголосок историографической традиции периода Василия II, не желавшего видеть свою мать кабатчицей, каковой она в действительности была до замужества.

Кроме того, были основания подозревать Цимисхия в династических амбициях. Во-первых, в ноябре 970 г. он женился на тетке Василия II Феодоре. По отзыву Льва Диакона, она была нехороша собой³³, однако данное обстоятельство, видимо, компенсировалось в глазах Цимисхия тем, что Феодора, дочь Константина Багрянородного, превращала его из узурпатора в легитимного правителя. Зонара передает, что инициатива этого брака принадлежала Василию Нофу³⁴, смертельному врагу императора Василия. Действительно ли это так, неизвестно, однако показателен тот факт, что ничего подобного не сообщают более ранние источники, в том числе главный источник Зонары — Скилица³⁵. Для нас теперь важно лишь то, что данная подробность (пусть вымышленная, и тем сильнее, если она вымышлена) подчеркивает враждебный по отношению к законным отпрыскам Македонской династии характер этого брака. Можно предположить, что происхождение версии Зонары следует искать опять-таки в придворной среде вокруг Василия II.

¹⁵ MGH, 1844, vol. V, p. 554—555.

¹⁶ Ibid., 1844, vol. VI, p. 351.

¹⁷ Сырку П. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки. СПб., 1883, с. 82.

¹⁸ Там же, с. 89.

¹⁹ Leo, p. 382—383.

²⁰ Розен В. П. Указ. соч., с. 140—141.

²¹ Leo, p. 79. 18—80. 2. Для нас сейчас неважно, начались ли эти переговоры в 968 или в 969 г., а важно лишь, что они были успешно завершены в конце 969 г.

²² Leo, p. 26. 13—15.

²³ Guillard R. Palais du Bukoleon. — BS, 1952, 13, p. 103.

²⁴ Leo, p. 98. 10—99. 12.

²⁵ Ibid., p. 91. 9—13; Downey G. The Tombs of the Byzantine Emperors. — JHS, 1959, 79, p. 37.

²⁶ Petit L. Office inédit en l'honneur de Nicéphore Phocas. — BZ, 1904. 13. 405, p. 90—93.

²⁷ Leo, p. 345.

²⁸ Ibid., p. 348.

²⁹ Leyser K. The X Century in Byzantine-Western Relationship. — In: Relations between East and West in the Middle Ages. Edinburgh, 1973, p. 48.

³⁰ Михаил Пселл. Хронография/ Пер. Я. Н. Любарского. М., 1978, с. 17.

³¹ Joannis Scylitzae Synopsis historiarum. Berolini; Novi Eboraci, 1973, p. 28^v. 35—41.

³² Розен В. П. Указ. соч., с. 141—142.

³³ Leo, p. 127. 4—6.

³⁴ Joannis Zonarae Epitomae. . . p. 98.

³⁵ Wartenberg G. Leo Diakonos. . . , S. 301.

Во-вторых, начиная с 967 г. велись переговоры о браке сына германского императора Оттона с византийской принцессой. С той же целью, кстати, приезжал в Константинополь и вышеупомянутый епископ Лиутпранд. Его миссия не увенчалась успехом — Никифор не дал согласия на брак. Лишь Цимисхий довел дело до конца, и в 972 г. в Италию отправилась «дочь греческого императора»³⁶ Феофано (не путать с императрицей!). Казалось бы, речь могла идти только о какой-то из дочерей Романа II. Однако многие западные хроники утверждают, что в жены будущему Оттону II была дана племянница Цимисхия³⁷. Развернутое объяснение находим у Титмара Мерзебургского: «Он (Цимисхий) послал через море нашему императору не ту девушку, которую хотели, а собственную племянницу по имени Феофано. . . . Много было таких, которые пытались отвратить императора от этого брака и советовали отправить ее обратно. Но он не послушал их и дал ее в жены своему сыну под усмешки всех примасов Италии и Германии»³⁸.

Вопрос о том, кем в действительности была Феофано, вызвал в науке длительную дискуссию³⁹, суть которой не будет нас интересовать: пусть даже Феофано была на самом деле багрянородной принцессой — дочерью Романа II, — тем знаменательнее, что на Западе ее считали родственницей Цимисхия. Для наших целей впечатление современников существование конкретного факта, мало того — чем дальше оно от реальности, тем больше его обобщающее значение: люди воспринимали как само собой разумеющееся, что если Цимисхий и не подменил принцессу своей племянницей, то наверняка был способен на нечто в этом роде. Может быть, вышеизложенным объясняется тот факт, что Цимисхий не был похоронен в храме св. Апостолов, как остальные императоры той эпохи⁴⁰. Не распоряжение ли это Василия II, ставшего наконец в 976 г. единодержавным правителем?

Однако не это все же было тем главным, что определяло отношение молодого царя к своим предшественникам, — у него были значительно более серьезные и актуальные причины испытывать к ним неприязнь. Все правление Василия II прошло под знаком борьбы с феодализирующейся провинциальной знатью, подозрительность к которой он прочно сохранял⁴¹. Период с 976 по 989 г. (непосредственно предшествовавший написанию Львом Диаконом своей «Истории») отмечен непрерывными мятежами, в которых не раз судьба Василия висела на волоске. Во главе же восставших стояли Варда Склир, шурина Цимисхия, и Варда Фока, племянник Никифора, о котором было хорошо известно, что он «нравом похож на своего дядю-императора»⁴². Видимо, в глазах как сторонников, так и противников Фоки, а равно и его самого, он был не только родичем, но и духовным преемником, продолжателем дела Никифора. Пселл четко прослеживает связь между теми малоазийскими военачальниками, которые сидели на троне, и теми, которые на трон посягали: «Нападая на своих близких, захвативших власть, царь стал решительно уничтожать их род. По этой причине и начали против него беспощадную войну племянники этих людей»⁴³.

Мертвые императоры-полководцы стали, видимо, знаменем аристократического мятежа, и нужно было вырвать этот стяг из рук инсургентов. Вот почему официальная пропаганда шельмовала предыдущие правления. Не следует к тому же забывать, что военные успехи Никифора и Цимисхия вспоминались с особой ностальгией на фоне катастрофических неудач Василия II. В его новелле от 4 апреля 988 г. делается попытка возложить вину за разорение страны на предшественников, доказать, что именно в них — корень всех зол: «Мы, милостью божьей император, увидели, что законодательство господина Никифора явилось причиной и источником всех настоящих бед, вселенского крушения и возмущения, поскольку оно бесчестило и хулило не только церкви и святые обители, но и самого бога. . . . С тех пор, как это законодательство вошло в силу, и до сего дня мы не встретили в нашей жизни никакой, даже маленькой удачи, но, наоборот, совершенно не осталось такого рода несчастий, которого бы

мы не испытали»⁴⁴. Клерикальная политика Василия II в принципе продолжала политику Никифора — именно поэтому в науке вызвала сомнения подлинность цитированной новеллы, ибо она не только отменяла законодательство Никифора, но и противоречила последующим мероприятиям самого Василия. Однако документ этот подлинный⁴⁵. Не следует ли объяснить его направленность желанием молодого императора отмежеваться от своих предшественников?

Официально причиной упадка выставлялось, видимо, то, что, несмотря на иллюзорный блеск царствований полководцев, узурпаторский характер их власти подточил силы государства, а самый упадок, вызванный ими, был еще усугублен притязаниями их родичей. Некий Лев, автор «Похвального слова» Василию II⁴⁶, объединяет оба поколения малоазийских аристократов в одну преступную банду: «Ведь оно (государство) погибало от противозаконных домоганий людей, рвавшихся к власти обманым путем, и едва дышало — следовало вдохнуть в него новую жизнь и повернуть к древнему благородству»⁴⁷. Придворная историография рисовала прообразом вражды Варды Фоки к 30-летнему Василию II мнимую вражду Никифора Фоки к 10-летнему Василию, как будто стоявшая у власти в 963—976 гг. провинциальная аристократия уже тогда видела в мальчике будущего утеснителя ее привилегий.

Итак, отмеченная нами тенденция в изображении официальной историографией правления Никифора и Цимисхия получила теперь свое объяснение: она невыводима из одних только юношеских обид и несводима к одним детским страхам — эта тенденция прежде всего является отражением в пропаганде главной цели политики Василия II — тотальной войны с феодализирующей знатью.

В настоящей работе, посвященной «Истории» Льва Диакона, о самом этом сочинении было сказано крайне мало. Но ведь наша задача состояла в том, чтобы выяснить, как могло восприниматься произведение его современниками, а для этого понять, в какой атмосфере создавал историк свой труд. Если воспользоваться метафорой С. С. Аверинцева, «здесь сделана попытка не столько разрисовывать и раскрашивать портрет писателя, сколько порезче прочертить его силуэт и дать к силуэту контрастирующий фон»⁴⁸. По нашему убеждению, «История» не только не была написана «по прямому поручению правительства»⁴⁹, но имела откровенно антиправительственный характер. Однако дело тут не только и даже не столько в том, что мы не найдем у Льва Диакона похвал в адрес Василия II и его родителей, — оппозиционным было не то, о чем и как автор умалчивает (на этом

³⁶ MGH, SS, 1839. vol. III, p. 63, 718—719.

³⁷ Ibid., p. 172, 498.

³⁸ Kronica Thietmara. Poznan, 1953, p. 65.

³⁹ См.: Hofmeister A. Studien zu Theophano. — In: Festschrift Edmund E. Stengel zum 70. Geburtstag am 27. Dezember 1949. Münster; Köln, 1952 (там же — литература вопроса).

⁴⁰ Downey G. Op. cit., p. 25.

⁴¹ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 266—267 (там же изложены и другие точки зрения).

⁴² Михаил Пселл. Хронография, с. 8.

⁴³ Там же, с. 7.

⁴⁴ Jus Graeco-Romanum Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. III, p. 303—304.

⁴⁵ См.: История Византии. М., 1967, т. 2, с. 443. примеч. 27.

⁴⁶ Обсуждение вопроса о том, тождествен ли этот Лев автору «Истории», увело бы нас слишком далеко от заданной темы. Даже если согласиться с выдвинутой М. Я. Сюзюмовым гипотезой о двойной жизни Льва Диакона, выбранный аспект дает нам право рассматривать создателя «Слова» и создателя «Истории» как двух разных людей, поскольку в сфере своего социального функционирования данные произведения антагонистичны, а что этот антагонизм мог быть результатом мучительной раздвоенности внутри одного человека — нас теперь не должно занимать.

⁴⁷ Συνοπτοῦς Ι. Λέοντος τοῦ Διακόου ἀνέκδοτον ἐγκώμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β'. — ΕΕΒΣ, 1933, X, с. 427. 14—17.

⁴⁸ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973. с. 5.

⁴⁹ Карышковский П. О. Указ. соч., с. 52.

и было сосредоточено главное внимание исследователей, защищавших Льва от обвинений в конформизме), а то, о чем и как он говорит. Его героями оказались как раз те, кто с официальной точки зрения менее всего заслуживал героического ореола. «История» была протестом против искажения истории, напоминанием о былой славе. Лев Диакон не единственный, кто, хотя бы и тайно, пошел наперекор господствовавшей лжи — те же настроения встречаются и у поэта Иоанна Геометра. Видимо, в Византии рубежа 80—90-х годов X в., среди развала и хаоса, бунтов и поражений все большее число людей начинало размышлять о том, что власть должна принадлежать людям, умеющим ею распоряжаться. Придворные идеологи, черня Никифора и Цимисхия, только способствовали их популярности: всем было ясно — обанкротившееся правительство потому так и злобствует, что тшится вытравить у народа воспоминание о настоящих императорах. Естественно, никто уже не помнил о реальных недостатках предыдущих царствований, все они казались пропагандистской выдумкой Василия II. «История» Льва Диакона была, возможно, даже не самым крайним выражением подпольных настроений.

В настоящей статье, как уже отмечалось, мы сознательно упростили дело, рассматривая «Историю» как бесструктурный элемент социального контекста, как показатель некоего внелитературного инобытия. Разумеется, внутреннее содержание труда Льва Диакона небезразлично к его внешнему звучанию, но их сложная взаимосвязь — тема отдельной работы.